

– Вероятно, Державин для усиления идеи единства составляющих аспектов аполлонического и дионисийского начал прибегал к использованию метода Платона смешения беспредельного и предела. Дело в том, что в поэзии 50-х. и 70-х. гг. XVIII в. имела место борьба двух традиций – «высокой» традиции Ломоносова, и прямо противоположной ей традиции А.П. Сумарокова, восставшей против «громкости», «витийства» и напыщенности – «надутости» – од Ломоносова, требующей «простоты» и «естественности» языка и стиля.

– Поэзия Державина обнаруживает широкий тематический охват: философская лирика с трагической антитезой жизни и смерти, анакреонтические мотивы (дионисийский характер поэзии, гедонистическая проповедь «мудрого» наслаждения), военные оды.

– Творчество поэта характеризует широкое жанровое многообразие: драматургия (ряд трагедий), хвалебные и философские оды, сатира, религиозные гимны, трагедии, драмы, комедии, оперы.

– Единство и целостность поэтического стиля обеспечивают три основных метафизических ипостаси: природа, метафизика, Бог.

Литература

Благой Д.Д. Державин / Д.Д.Благой // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. — М.; Л.: Изд во АН СССР, 1941-1956. — Т. IV: Литература XVIII века, Ч. 2. — 1947. — С. 383-429.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф.Лосев. — М.: Мысль, 1993.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф.Лосев. — М.: Политиздат, 1991.

Михайлов О. Державин / О.Михайлов. — М.: Молодая гвардия, 1977.

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф.Ницше // Ницше Ф. Соч. — Т.1. — М., 1990.

Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. / А.Шопенгауэр. — Т.I. — М, 1910. — С.342-343.

Г.Р.Державин о Петре Великом (в контексте литературной культуры XVIII века)

О.М.Буранок

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара)

Ключевые слова: литературная культура XVIII века, Г.Р.Державин, Петр Великий

Личность Петра, Петровская эпоха – особая тема в русской литературе, начиная с XVIII в. Художественная, критическая, научно-популярная литература по этой теме ог-

ромна. И современники Петра, и каждое следующее поколение русских людей осмысливали его образ, деяния, место в истории России по-своему, применительно к своей эпохе. Для русских людей XVIII в. Петр и его эпоха олицетворяли прогресс, новую и могущественную Россию, ее победительно-триумфальные войны, огромные пространственные завоевания.

Феофан Прокопович – ближайший сподвижник царя-реформатора, его идеолог – по сути дела первым глубоко осмыслил тему и замечательно запечатлел образ Петра в своей поэзии, публицистике и, опосредованно, в трагедокомедии «Владимир» (подробнее – см.: [Буранок 2005; Буранок 2014]). Русский национальный герой, которому Россия обязана всем, – вот собирательный образ, созданный в 10 – 30-е гг. XVIII в. Феофаном Прокоповичем прежде всего, но не только им. Ораторская проза, панегирическая литература первой трети XVIII в. дополняли и расширяли созданное Прокоповичем; при этом до сих пор очень силен эффект присутствия: писавшие лично знали Петра, обаяние великой личности так или иначе сказывалось в их произведениях.

И многочисленные «колоссы», «истуканы», «памятники» (в том числе, и державинский «Памятник») – тому подтверждение. Феофан одним из первых запечатлеет эту могучесть личности Петра в своих многочисленных словах и речах, в «Епиникионе». Далее эпоха классицизма идейно во многом продолжила разработку темы предклассицистов. Кантемир («Петрида»), Ломоносов («Пётр Великий»), Тредиаковский («Элегия на смерть Петра Великого», «Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу») подхватят, Сумароков (ода «На победы государя Петра Великого») продолжит, а Державин закрепит и подготовит это всё для блистательного продолжения этой темы, этого мифа у Пушкина и многочисленных его продолжателей – вплоть до сегодняшнего времени.

В незаконченной поэме «Петрида» (1730) А.Д.Кантемир сделал попытку создать идеализированный образ просвещенного государя, гражданина. М.В.Ломоносов во всех одах, в незавершенной героической поэме «Петр Великий» нарисовал исполненный образ героя-преобразователя, связав в единое целое образ Петра и образ национального в России, насытив тему глубоким патриотизмом, придав ей поэтический космизм; тема приобрела у Ломоносова программный характер.

Мы не можем поддержать суждение В.М.Живова о «сохранении» в панегириках XVIII века «барочного смешения христианских и языческих элементов – смешения, противоречащего классицистической установке их авторов» [Живов 2002: 515].

Слова и речи Феофана Прокоповича свидетельствуют об обратном: несмотря на «смешение христианских и языческих элементов» («Слово в день равноапостольного князя Владимира» и др.) оратор остаётся и идеологически и художественно в предклассицистической парадигме. Панегирические произведения у Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова и вплоть до Державина не дают оснований говорить об их

барочности, и, кстати, само смешение не противоречит классицистической эстетике, ведь у всех у них эксплуатация этого смешения являлась сатирическим средством, безусловно, все они помнили Сумарокова: «Неудобно в христианстве / Почитать Богами тварь...» А по В.М. Живову получается, что это смешение свойственно *всем* панегирическим произведениям *всего* XVIII века [Живов 2002: 515].

«Петровские реформы и созданная ими официальная идеология при всей своей вполне понятной социальной ограниченности были сильны пафосом общенациональных интересов и потребностей, и, так понятые, они еще в середине XIX в., для Герцена и Чернышевского, сохраняли свое обаяние» [Серман 1973: 19]. Слишком велик и значителен был колосс, грандиозны деяния его, чтобы не ощущать их последствия и пятидесятилетие спустя. Вместе с тем обаяние от непосредственного общения с Петром стало полуполюгендарным, запечатленным в анекдотах, изданных официальных историях, фольклорных преданиях. И, главное, в новых общественно-политических и эстетических условиях были предъявлены иные, во многом прямо противоположные требования к монарху, нежели в первой трети XVIII в.

Ссылаясь на Л.В.Пумпянского, В.М.Живов пишет, что «государство и его судьбы были органическим мотивом европейского классицизма» [Живов 2002: 442-443], что и обслуживала французская, и немецкая литература первой половины XVIII в., а «литература русская – от Феофана Прокоповича до Державина» [Живов 2002: 443].

Г.Р.Державин не оставил в своем обильном творчестве, в «Записках», эпистолярном наследии развернутых суждений, больших полотен о Петре и его эпохе, хотя его имя и обращение к его времени неоднократно появляется в художественных текстах Державина. Культурная политика Петра была не во всем понятна и принимаема Державиным. По мнению Б.А.Успенского и В.М.Живова, она «носила сознательно-религиозный характер» [Живов 2002: 274 – 275].

Думается, что создатель «Фелицы» и здесь шёл «особым путём». В качестве подтверждения своей точки зрения Б.А.Успенский приводит пример из «Изображения Фелицы», где Екатерина, издающая наказ, сравнивается с Богом, творящим свет [Живов, Успенский 1987; Живов 2002: 274 – 275]. Да, Фелица изображена «в величестве, в сиянии Бога», и всё же идейно-художественным фоном, на котором изображена Фелица, является «Норд седый», «Престол её на скандинавских, / Камчатских и златых горах, / От стран таймурских до кубанских / ... Её великие моря» (с. 135)¹.

И, пожалуй, квинтэссенцией является строка «Изобрази мне мир сей новый» (с. 136). Наряду с сакрализацией, с особым харизматическим статусом монарха-

¹ Здесь и далее страницы указываются по изданию: *Державин Г.Р.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст. и общ. ред. Д.Д.Благого, примеч. В.А.Западова. Л., 1957. («Библиотека поэта»).

помазанника, у Державина есть и принятие новой культуры, особенно это наглядно он продемонстрировал не столько в «Изображении Фелицы», сколько в «Фелице». Это, на наш взгляд, идёт от мифа о Петре: не только монарх – Бог на троне, но и деятель, строитель и т.д. (А.С.Пушкин замечательно это запечатлел). И здесь нам более близка в определении генезиса петровского мифа позиция Феофана Прокоповича, о чём много и обстоятельно мы писали в разных работах. Именно Феофан воспевал разум, прогресс, просвещение (и Петра как их носителя), закладывая всей своей деятельностью как идеолога и художника устойчивую мифологию о Петре, Петербурге и т.д.

Тема Петра во второй половине XVIII века перестала быть актуальной, модной сама по себе, она приобрела панегирический характер, но в связи с другими темами и образами. Все писавшие о Екатерине II считали своим долгом так или иначе упомянуть Петра, его деяния, но лишь в связи с Матерью Отечества. «Среди большого количества од, написанных в честь Екатерины II, петровская тема звучит несколько приглушеннее. Однако и здесь она имеет место и обычно в следующей форме: в делах Екатерины поэты хотят видеть продолжение дел Петра» [Мотольская 1938: 143].

Упоминание о Петре, сравнение ныне царствующего монарха с Петром, историческая параллель становятся литературным штампом в одах, поэмах А.П.Сумарокова, М.М.Хераскова, А.А.Ржевского, В.П.Петрова и многих других художников слова второй половины XVIII в. Образ Петра перестал быть символом России XVIII в., превратившись в дежурную фразу, литературный прием, столь же необходимый, как в оде мифологизмы, историзмы (к последним следует отнести все, связанное с Петром и его эпохой!); его имя личность, образ постепенно стали мифом.

Говоря о культуре Просвещения в России, В.М.Живов утверждает: «Она прежде всего – мифологическое действо государственной власти. Русское Просвещение – это петербургский мираж» [Живов 2002: 449]. Обозначенную мифологическую структуру исследователь тесно увязывает с «мифологическим наследием новой европейской государственности» [Живов 2002: 450]. Нам представляется неубедительным в качестве доказательств этой связи приводимые учёным постоянно повторяемые темы Аркадии и Золотого века у Ломоносова, Державина. Во-первых, наряду с этими темами через всю литературную культуру XVIII века идут ещё десятки устойчивых тем, мотивов, образов, и, во-вторых, так упорно отстаивая эту связь и зависимость мифологизации русской литературы XVIII века от западноевропейской, В.М.Живов, может быть, невольно, но поддерживает устаревшую теорию псевдоклассицизма и лжеклассицизма. Вместе с тем, нам куда в большей степени импонирует утверждение Л.В.Пумпянского и вслед за ним В.М.Живова о кровной связи классицизма с идеями государственности, а литература Петровской эпохи во главе с Феофаном Прокоповичем вполне укладывается в этику и эстетику предклассицизма.

Конечно, мифология государства определила возникновение мифологии поэта (В.М.Живов). В многочисленных стихотворениях Державина о Петре это отчётливо прослеживается. Поэт, безусловно, мыслит себя не только поэтом, но и государственным деятелем. Он образец той гармонии творческой и деятельностной личности, которую в своей судьбе представил Пётр I. Всё это восходит к диалогу Феофана Прокоповича и Петра I [Буранок 1995: 17 – 23].

Заявление В.Г.Белинского в статье «Стихотворения Державина» («В творениях Державина ярко отпечатлелся русский XVIII век» [Белинский 1953-1959, 6: 620]) можно уточнить: да, ярко, но не полно, т.к. Петр и его эпоха не являлись, как у Ломоносова, доминирующей темой у Державина. А какой же XVIII век без Петра?! Простое объяснение тому дано у того же Белинского в «Литературных мечтаниях»: Державин – певец Екатерины, «пламенный дифирамб века Екатерины» [Белинский 1953 – 1959, 1: 74].

К 70-м гг. XVIII в. произошла не только коренная ломка общественно-политических устоев, но и смена эстетических эпох, смена писательского типа. На Державина и его современников колоссальное влияние имел пугачевский бунт. У участника этих событий Державина произошла эволюция политических взглядов, «это видно из того отношения, – считает В.Ф.Ходасевич, – которое в пору пугачёвщины стало у него складываться к самодержавной власти и личности самодержца» [Ходасевич 1988: 124 – 125].

Державин расстался с идеей божественного происхождения монаршей власти, не приемлет тиранию; истинный государь мудр, добр, заботится о народе, исполняет закон (прежде всего сам!), для него превыше всего закон и правда. При встрече с Павлом I 17 ноября 1796 г., спустя всего лишь 10 дней после смерти Екатерины II, Державин остался верен себе, сказав императору, что он рад ему «служить со всею ревностью, ежели его величеству угодно будет любить правду, как любил ее Петр Великий»¹. Любовь народа, добродетели монарха, полезность власти – определяющие для Державина черты, необходимые истинному государю. Никогда не усомнившись в монархии как институте, Державин тем не менее с годами, как отмечает В.Ф.Ходасевич, «приучился... ощущать самодержавие, как непомерную тяжесть, налегшую на жизнь, волю и самую мысль России» [Ходасевич 1988: 215]. В 1798 г. Державин в стихах «На день рождения великого князя Михаила Павловича» писал: «Священна доблесть – право власти; / Лишь правда – над вселенной царь»².

Осудив Павла как тирана с «грозным, страшным взглядом» (в оде «На день восшествия на престол Александра I», 1801), Державин вновь был разочарован в еще

¹ Цит. по кн.: Ходасевич В.Ф. Державин. М., 1988. С. 195.

² Державин Г.Р. Сочинения / под ред. Я.Грота. Т. 1 – 10. СПб., 1864 – 1883. Т. 2. С. 154. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: том и страницы указываются в скобках.

одном конкретном самодержце, т.к. после смерти Екатерины II питал надежды в связи с воцарением Павла: «Конечно, не инова, как сподвижника Петрова»¹ хотел бы видеть Державин в лице нового царя. Но, увы...

Хотя, как пишет В.Ф.Ходасевич, «первоначально избегая судить самодержавие, Державин отнюдь не отказывал себе в праве судить каждого данного самодержца» [Ходасевич 1988: 214]. Вне критики, вне суда оставался лишь Петр.

С одной стороны, уже в 1779 г. Державин в оде «На рождение в Севере порфирородного отрока» восклицает:

Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек! (Т. I. С. 84)

С другой, много позже, в 1797 г., в послании «Храповицкому» поэт скажет: «Чувствуем ярмо свое (...) Раб и похвалить не может, Он лишь может только льстить» (Т. II. С. 47). Горькое, но спокойное, житейски мудрое признание. Пожелание государю, это четко понимает Державин, из области идеального, почти невозможного в этом мире: подданные же, дабы сохранять государственную гармонию, политическое равновесие, спокойствие, обязаны с пониманием относиться к необходимости нести каждый свою ношу, но тот и другие обязаны выполнять закон.

С этих позиций Державин спокойно, без излишней патетики взирает на Петровскую эпоху и на Петра.

Самыми значительными произведениями Державина о Петре является «Монумент Петра Великого» (1776) и ода «Петру Великому» (1776); последнюю Д.К.Мотольская высоко оценивает за ее лаконичность, конкретность, в ней Державин «дает весьма точную характеристику и перечень многогранных дел Петра. Петр в его оде превращается в живого человека и вместе с тем человека величественного» [Мотольская 1938: 214]:

Прошел землями и морями,
Учился сам, чтоб нас учить. (Т. I. С. 31)

Назидание, дидактизм сильны и в этой оде, но риторика заменена «рассказом о подлинных делах большого человека», а «Петр здесь, как и у Ломоносова, представлен как неутомимый "труженик"» [Мотольская 1938: 144]. В «Монументе...», используя рефрен, воспевают Державин добродетель Петра:

Твоя пребудет добродетель,
О Петр! любезна всем векам;
Храни, храни всегда, Содетель,
Его в преемниках ты нам! (Т. I. С. 39)

¹ Цит. по изд.: Запалов А.В. Поэты XVIII века: М.В.Ломоносов. Г.Р.Державин. М., 1979. С. 209.

В противовес добродетели Петра Державин рисует страшные в памяти народов образы императоров-тиранов: Нерона, Калигулы, Коммода. Народная любовь – главный критерий, по Державину, в оценке деятельности монарха:

Когда кого народ не любит,
Полки его и деньги – прах. (Т. 1. С. 38)

И вновь, как и в оде «Петру Великому», поэт подчеркивает «дела незабвенные» и «труды» «Отечества Отца». Что такое добродетели монарха? – еще раз (а сам Державин не устает об этом говорить) повторим: стремление государя оберегать закон и ему служить, быть способным к добровольному и постоянному излиянию свобод и милостей, щедрот на верных своих подданных¹.

Важно, что, воспевая Петра, Державин далек от ломоносовской патетики и ломоносовской стилистики в описании образа царя и его преобразований. Импонирует точка зрения В.А.Западова о том, что поэт отводил, в отличие от Н.М.Карамзина, решающую роль в истории не царям и вельможам, а народу (здесь Державин полемизировал не столько с Карамзиным, сколько с монархической концепцией Екатерины II, выраженной в ее «Записках касательно российской истории») [Западов 1992: 71-72]. Но именно ломоносовскую историческую точку зрения на влияние народа в историческом процессе продолжил Державин. В отношении же поэтики Державина следует заметить, что ранний Державин, т.е. 60 – 70-х гг., метался, по меткому выражению В.А.Западова, от Ломоносова к Сумарокову и обратно, но не удовлетворенный обеими поэтическими системами, взяв из этих систем многое, пройдя художественную выучку и у Ломоносова, и у Сумарокова, поэт к 1779 г. нашел свой, особый, державинский путь [Западов 1985: 59-61]. «У Державина ломоносовский материал как бы пропущен сквозь призму сумароковской "ясности"..."» [Западов 1984: 41].

Трудно расставаясь с классицизмом, Державин и в отношении к Петру и петровской эпохе был самобытен: если Ломоносов, Сумароков, их поэтические школы оценивали монарха и его деяния от имени нации, выражали общественное мнение о личности реформатора, его деятельности, то Державин постарался заменить классицистическое «мы» на державинское «я»². Но наперед скажем, что именно в новой этой разработке темы поэт по ряду причин не сумел (или не захотел!) воплотить свое новое эстетическое кредо.

После 1779 г. нет у Державина сколько-нибудь крупных произведений по данной теме, хотя имеется во многих одах, стихотворениях малых жанров, в надписях и т.д. обилие упоминаний о Петре и его эпохе, его сподвижниках: «Изображение Фелицы», «Водопад», «Стихи на покорение Дербента», «Мой истукан», «Ко второму сосе-

¹ См. подробнее: *Ходасевич В.Ф.* Державин. М., 1988. С. 214.

² Оппозиция «мы» – «я» заимствована. См.: *Серман И.З.* Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. С. 94 – 96.

ду», «Эпистола И.И.Шувалову»... В письмах, проектах законов, деловой переписке имеются отсылки к авторитету Петра, используется его имя, за историческими примерами Державин чаще всего обращается к петровской эпохе. Но не более.

Державин, безусловно, участвовал в «процессе профессионализации литературы в России» [Живов 2002: 558]. Это было свойственно не только Тредиаковскому, Ломоносову, Сумарокову. Уже Пётр I совершенно сознательно определил роль слова, литературы в обществе, заставил служить на его благо того же Феофана Прокоповича, который добровольно и сознательно блестяще выполнил наказ Петра Великого. В какой-то степени можно и здесь говорить о появлении если не профессиональных литераторов, то о готовности стать таковыми. Несомненно, одно, что для огромного большинства людей, связанных с литературным творчеством и одновременно находящихся на государственной службе, это действительно становилось основой социального успеха – движение по службе, получение чинов, наград: от вице-президента Святейшего Синода Феофана Прокоповича до министра и сенатора Г.Р.Державина; от получения в дар мызы тем же Феофаном до табакерки и деревень, подаренных Г.Р.Державину. И, когда многие новейшие литературоведы (отечественные и зарубежные) пытаются представить это некой *игрой*, мы не согласны с такой постановкой проблемы. В XVIII веке игровых занятий хватало, но у больших художников, тесно работавших с государственными структурами, это являлось частью их государственных занятий. Пётр давал указания (а часто приказывал) издать, перевести, поставить. А Г.Р.Державина в более мягкой форме, так сказать, просили продолжить Фелицианский цикл (вспомним разговор Храповицкого с ним). Великий поэт жаловался, но не вслух, а только «поймали птичку голосисту... пой, птичка, пой!» И ведь пел. А за стихотворение «Властителем и судиям» был вызван и ходил на допрос. И это было системой в государственной машине не только России, но и всей Европы. Диалог светской и духовной власти протекал всегда непросто. Замечательна эта переключка эпох – державинской и Петровской: как только Пётр умер, Феофана Прокоповича очень часто вызывали в Тайную канцелярию, сохранились опросные листы, в которых он вынужден был давать пояснения по многим своим словам и речам, т.к. неутомимый его личный враг Маркелл Родышевский писал многочисленные доносы своего бывшего учителя.

Г.Р.Державин с годами все более убеждался в необходимости «гармонического осуществления разумного равновесия прав и обязанностей власти и ее подданных» [Серман 1973: 94]. Социальные потрясения, политические баталии, по мысли Державина, крайне пагубны как для власти, так и для народа. А этими событиями так богата была Петровская эпоха! Неуравновешенная, пусть и гениальная личность государя, его взрывной, необузданный характер вредно сказывались на событиях и людях, поэтому неким контрастом Петру явилась у Г.Р.Державина Фелица – Екатерина II. При

всех ее «но», увиденных и отмеченных Г.Р.Державиным – общественным деятелем и поэтом, он все же отдавал ей как политику предпочтение за ту стабильность, уравновешенность во внутренней и внешней политической жизни, которые Екатерина II на протяжении многих десятилетий так или иначе сохраняла.

События Великой Французской революции Г.Р.Державина, как и Н.М.Карамзина, оттолкнули от мысли поддерживать, идеологически обслуживать социальные потрясения, резкие политические реформы, крутые преобразования. Они медленно, но верно пришли к необходимости признания социально-политической эволюции, постепенных реформ как основ общественного прогресса. Поэтому и тот, и другой, конечно, каждый по-своему, отошли от темы Петра и его деяний, а Н.М.Карамзин в конце жизни и публично выразил свое негативное отношение к Петру и его преобразованиям [Буранок 1993].

Литература

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959.

Буранок О.М. Н.М.Карамзин о литературе Петровской эпохи / О.М.Буранок // Русская критика XIX века: Проблемы ее теории и истории: межвуз. сб. науч. тр. – Самара, 1993. – С.14 – 25.

Буранок О.М. Пётр I и Феофан Прокопович: диалог двух культур. К постановке проблемы / О.М.Буранок // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. – М., 1995. –С. 17 – 23.

Буранок О.М. Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович / О.М.Буранок / Изд. 2, доп. – М.: Флинта, 2005. – 464 с.

Буранок О.М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века / О.М.Буранок. – М.: Флинта, 2014. – 448 с.

Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений / Г.Р.Державин / Вступ. ст. и общ. ред. Д.Д.Благого, примеч. В.А.Западова. Л.: Советский писатель, 1957. – 480 с.

Державин Г.Р. Сочинения / Г.Р.Державин / Под ред. Я.Грота. Т. 1 – 10. СПб., 1864 – 1883.

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В.М.Живов. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 525 с.

Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России / В.М.Живов, Б.А.Успенский // Языки культуры и проблема переводимости. – М.: Наука, 1987. – С.47–153.

Западов А.В. Поэты XVIII века: М.В.Ломоносов. Г.Р.Державин / А.В.Западов. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 312 с.

Западов В.А. Державин и поэтика русского классицизма. Статья 1. «Александровская» ода Державина / В.А.Западов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вопросы метода и стиля. – Л.: ЛГПИ, 1984. – С.35-50

Западов В.А. Державин и поэтика русского классицизма. Статья 2. «Шуваловская» эпистола Державина / В.А.Западов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Метод и жанр. – Л.: ЛГПИ, 1985. – С. 45-61.

Западов В.А. Державин-полемист / В.А.Западов // Русская литература. – 1992. – № 2. – С.71-72.

Мотольская Д.К. Петр I в поэзии XVIII века / Д.К.Мотольская // Учен. записки

ЛГПИ им. А.И.Герцена. – Т.14. – Л., 1938. – С.123-146

Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира / И.З.Серман. – Л.: Наука, 1973. – 286 с.

Ходасевич В.Ф. Державин / В.Ф.Ходасевич. – М.: Книга, 1988. – 384 с.

К вопросу о личности автора в оде Г. Р. Державина «Видение мурзы»

Р.М.Гайсин

Казанский федеральный университет (Елабужский институт)

(Елабуга)

Ключевые слова: автор, ода, классицизм, реализм, образ, диалог

Личность автора в художественных произведениях всегда вызывает повышенный интерес у квалифицированного читателя и ставит перед исследователями нелегкие задачи. Особые сложности возникают при анализе лирики, где находит воплощение духовная и интеллектуальная жизнь людей, представленная в радостях, страданиях, мыслях, во взглядах и ценностных ориентирах героя. В полной мере это относится к творчеству Г.Р. Державина, в структуре произведений которого авторское начало занимает исключительно важное место. Для его творчества, последовательного державника и классициста, упорно старавшегося быть полезным государству и народу, но в то же время продвигавшегося к реалистическому искусству, было естественным не упускать из поля зрения объективную действительность. Более того, он стремился быть в гуще жизни, участвовать в судьбоносных событиях и делах. И это ему удавалось.

Такой державинский подход в понимании патриотического призвания и поэтической миссии сразу начинает взаимодействовать в творчестве с проблемой жанра. В творчестве поэта господствовавшая тогда похвальная ода заметно трансформируется, расширяется в своих собственно художественных и других функциональных возможностях. Она перестает быть только похвальным стихотворением, обогащается иронией и сатирой, остро бичуя произвол и насилие, казнокрадство имперской администрации, ее невежество и лукавство.

Важно, что оды Г. Р. Державина обладают зримым сюжетом, в котором далеко не последнее место отводится автору. Ведь, если быть более точным, само произведение является плодом авторского воображения и помещено в вымышленный и условный мир. Однако данный вымысел прочно связан с судьбой поэта, с его очень серьезной социальной практикой человека и художника. Г.Р. Державин, вне сомнения, прозорливо заметил возможность в лирически обработанных сюжетных построениях более доступно и полно раскрыть реальные картины событий и общественных нравов, государственной и частной жизни того времени. Вот почему его поэзия часто диалогична, поступательна в совместном поиске истины авто-